

Несмотря на сомнения, Минлань, крайне истощенная, не смогла противостоять желанию спать и, прилегла на мягкое теплое одеяло и заснула. На этот раз ей не снились сны.

Туань, проснувшись, обнялся с ней и тихо всхлипывал прежде, чем снова задремать. Детские пальцы бессознательно вцепились в рукав матери.

Мать и сын спали до трёх часов дня. Туань неожиданно стал более благоразумным, он не плакал и не беспокоил никого, Цуйвей до сыта накормила его, однако он выглядел так, будто насторожен, и крепко держался за край одежды матери. Однако внимание Минлань требовалось всему поместью, поэтому ей не оставалось ничего, кроме как уговаривать толстяка:

— Пойдем проведаем сестру, у твоей сестры болят руки, не мог бы ты пойти помочь ей?

Маленький толстяк открыл свои большие глаза, некоторое время колебался, затем послушно кивнул, и Цуйвей отнесла его к месту отдыха Жун. Тут же в спешке пришли руководители всех рангов, и спокойно ожидали в коридоре, чтобы по очереди доложить о делах.

Одна ночь хаоса, пол ночи огня, потери были немалые.

Старые дома придет отстраивать заново. К счастью, зал предков был в целости и сохранности. Предки семьи Гу построили его в отдаленном и тенистом месте, и Минлань почувствовала себя достаточно проницательной, поскольку смогла сохранить его. К сожалению, была ещё другая пострадавшая сторона. Им не повезло, и весь горный лес был уничтожен. Жаль, что красные сливы, только что раскрывшиеся тычинками, персиковые рожицы, которые только что принесли зеленые и милые маленькие плоды, и ряды красивых цветочных деревьев, на перемещение которых было потрачено много денег — всё это сгорело, и потребуется много времени, чтобы новые деревья принялись.

Во время обыска в лесу они также нашли несколько обгоревших трупов. Минлань стало жаль тех оленей и журавлей, которые были сожжены безвинно, поэтому она попросила кого-нибудь завернуть их в сломанные соломенные циновки вместе с трупами воров, и составить снаружи. Все вместе они были отправлены правительственное учреждение Шунтянь.

За исключением этих двух мест, остальной части поместья Чен не было нанесено серьезного ущерба, не считая того факта, что старшая служанка Гэ в панике сожгла половину печи.

Как бы ни были повреждены дома и леса, они все равно со временем будут восстановлены, а настоящее сожаление пришло позже.

После тщательного расследования было выяснено, что в ту ночь среди охранников поместья хоу было тридцать две жертвы, из которых четырнадцать были легко ранены, девять тяжело ранены, а остальные... вступили на путь перерождения. Минлань бесконечно вздыхала и приказала управляющему Хао с почетом похоронить мертвых и позаботиться об их женах, детях, родителях.

Каждый раз, когда Минлань что-то говорила, Сяхе брала кисть и заносила это в учетную книгу. Люйчжи щёлкала счетами, лицо у неё было ещё уродливее, чем у Минлань. По самой грубой предварительной оценке восстановление обойдется десятки тысяч лян серебра!

После того, как все управляющие закончили свои доклады, они вышли гуськом. Цвет лица Люйчжи был зеленым, как арбузная корка, так что Минлань ничего не оставалось, кроме как утешать ее и себя:

— Ночь закончилась хорошо, мы могли бы стать призраками! Теперь, когда небо ясное, мы можем пить воду, и есть вкусную еду, это главное.

Люйчжи неохотно кивнула.

Сказав это, Минлань подумала, что, включая расходы на восстановление поместья в будущем, они потратят почти половину денег из тех, что она накопила, тщательно управляя хозяйством последние несколько лет. Ах, бабушка, это действительно так, как сказал Боху: ветер сдувает яичную скорлупу, и богатство уходит.

Минлань долго хваталась за грудь в отчаянии, прежде чем восстановила свои силы. Прежде чем она смогла прийти в себя, она увидела солнце, склонившееся на запад, и вдруг снаружи донесли, что кто-то из семьи гун Ина пришёл передать сообщение.

— Семья Чжан не подвергалась нападению воров прошлой ночью? — Минлань была потрясена, когда услышала эту новость.

Служанка, представившая отчет, стояла у двери.

— Точно, — сказала она. — Семья Чжан была мирной прошлой ночью, поэтому госпожа Чжан не ожидала такой ситуации в нашем доме. Когда она услышала об этом сегодня утром, она поспешно послала слуг узнать, как мы.

— А как насчет поместья Шень Цунсина? — спросила Минлань.

— Человек, который пришел передать сообщение, сказал, что на улице все еще действует военное положение, и новости не могут быть переданы. Ситуацию ... нельзя четко объяснить, — ответила служанка.

Минлань долго молчала, на вопрос, который всю ночь томился в ее сердце, появился более четкий ответ.

После этого она вызвала на допрос нескольких распорядителей из внешнего двора и продолжала выполнять функции хозяйки поместья. Управляющий Хао и домоправительница Ляо Юн поручили слугам убрать двор. Дом был такой... После более чем часа работы Минлань только-только освободилась, и подумав о Жун, она быстро встала и попросила кого-нибудь прибратся, и отправилась в боковую комнату.

Собираясь выйти за дверь, она увидела, как к ней бежит Сяотао с медом во рту и выражением счастья на лице, от которого людям захотелось бы курить; Минлань остановилась, прищурила глаза и произнесла тяжёлым тоном:

— Ты вернулась?.. Прекрасно. Что насчёт травм?

— Травм? — глупо переспросила Сяотао. — О... У брата Ши всего несколько порезов, и дядя Ту сказал, что все в порядке.

— Тогда почему ты так поздно вернулась? — странным тоном спросила Минлань. Хозяйка уже проснулась и закончила свои обязанности, а служанка рядом с ней все еще отсутствовала.

— Брат Ши сказал... он сказал, что прошлой ночью было действительно страшно, повсюду была кровь, на земле у главных и задних ворот лежали мертвые люди, его сердце колотилось, когда он думал об этом, он так боялся, что не смел закрыть глаза и уснуть! — смущённо сказала Сяотао.

Люйчжи, которая все еще находилась в комнате и держала в руках кисть, чтобы сверить счета, услышала об этом и чуть не уронила чернильный камень. Сяхе, поддерживавшая Минлань, заметно покачнулась, закусила губу, попыталась сдержаться, но не сумела:

— Неужели ты в это веришь?

— Зачем Ши лгать мне? — ошеломлённо спросила Сяотао.

— Он не боится убивать людей ножом, но боится кошмаров? Ха! — не подумав, прямо выпалила Сяхе. — Он сказал это, потому что ты ему нравишься, и он хотел, чтобы ты осталась с ним подольше!

Лицо Сяотао тут же вспыхнуло, и она мягко толкнула Сяхе сильной и толстой рукой.

— Он тебе нравится или нет... — кокетливо сказала Сяхе. — Ты действительно странная!

Сяотао снова толкнула Сяхе и затем она застенчиво сказала Минлань:

— Главная госпожа, я собираюсь помочь Люйчжи.

Затем она развернулась и вошла в покои.

Сяхе дважды толкнули, она чуть не ударилась лбом о дверной косяк. Минлань любезно придержала её и заметила:

— Не спорь с этой девчонкой и не говори о мальчике из семьи Ши, это делает хуже только тебе.

Сяхе неохотно кивнула.

Эта молодая пара, одна невежественная и бесстрашная, другой толстокожий и непобедимый, определённо, была союзом, заключенным на небесах. Минлань снова подумала, что если она не поторопится и не напишет письмо семейной паре Ши, после родится ребенок, и ей будет сложнее, поэтому стоит начать готовиться к свадьбе.

Думая о том, что Сяотао в будущем выйдет замуж за Ши Цяна, Минлань не могла не чувствовать грусти, она молча шла, опустив голову, и через несколько шагов достигла боковой комнаты, где услышала слабые голоса детей, говорящих и смеющихся.

Войдя во внутреннюю комнату, она увидела Жун, сидящую у изголовья кровати. Рядом на кровати валялся Туань, закинув на неё ноги. Сянь сидела на краю кровати, в стороне, у стола, сидели Шао Ши и Цюнян. Старшая служанка Цуй сидела за круглым столом одна и дула на темное лекарство в чаше, за которым следила всю ночь. Жун выглядела неважно, на её лице были синяки.

Увидев входящую Минлань, у всех по-разному изменились лица. Цюнян улыбнулась и встала, чтобы выразить почтение, Шао Ши вскочила как кролик с паническим выражением лица, она выглядела так, будто её муж снова умер. Минлань кивнула Цюнян, и, не глядя на Шао Ши, подошла прямо к кровати.

Жун смотрела на отвар в руке старшей служанки Цуй с грустным лицом. Когда она увидела Минлань, она радостно сказала:

— Мама, ты здесь...

Она уже собиралась встать, но Минлань поспешно шагнула вперед, чтобы удержать ее, и тихо сказала:

— Что ты делаешь? Зачем быстро встаешь? Лежи.

Затем она спросила, болит ли рана, и есть ли какой-либо другой дискомфорт, Жун покачала головой.

— После того, как я приняла лекарство от лекаря, мне больше не больно.

Минлань почувствовала жалость в своем сердце, думая о том, что когда действие лекарства пройдет, боль станет еще сильнее. Она откинула густые волосы на лбу девушки и увидела за лбом кожу, где было выбрано несколько сантиметров волос. Рана была покрыта темно-зеленой едкой мазью, и еще виднелось немного крови, сочащейся из нее.

Такие хорошие волосы, — вздохнула Минлань. — Увы, при такой травме даже спустя полгода будет тяжело носить золотые шпильки и красивые прически. Они такие тяжёлые, что голова будет болеть.

Жун коснулась головы и небрежно сказала:

— Сестра Сянь сказала, что я все равно не очень хорошо выгляжу с пучком, так что в будущем я могла бы сделать другую причёску. Разве моя мать недавно не дала мне коробку свежих марлевых дворцовых цветов?

Все в порядке — пыталась сказать Жун. Лицо у нее было вполне героическое, и каждый раз, когда она делала пучок, она ощущала, что выглядит неловко.

С тех пор, как вошла Минлань, Сянь сидела, опустив голову. Только услышав это, она слегка приподняла голову и внимательно посмотрела на неё. Она всегда была проникательной и сообразительной, но сейчас, похоже, не представляла, как себя вести.

Минлань протянула руку, чтобы погладить лицо Сянь, и мягко сказала:

— Вы двое прямо как настоящие сестры, я рада, что ты рядом с Жун в такое время.

У Сянь были слезы на глазах, и она слегка кивнула, хотя на её лице читался стыд. Шао Ши сбоку открыла рот, чтобы заговорить, но тут же онемела, когда встретилась с холодным взглядом Шен Минлань. Она хотела сказать что-то извиняющееся, но не могла произнести это в комнате, полной людей.

Минлань обернулась, взяла обернутую марлей левую ладонь Жун и внимательно посмотрела на нее. Впоследствии она осмотрела кинжал вора, и он был острым, но, к счастью, у девушки был сильный характер, поэтому она просто крепко держала его. Несмотря на поврежденную ладонь, она легко отделалась: если бы она ослабила хватку, в момент, когда лезвие соскользнуло бы, он отрезал бы ей кисть.

Однако лезвие все еще вонзалось в кость, а плоть была разорвана, и Минлань пришла в ужас, увидев это. По словам лекаря, даже если рана хорошо заживет в будущем, ладонь ее руки может быть уже не такой гибкой, как прежде.

— Через несколько дней, когда снимут военное положение, я напишу вашей наставнице. Увы, у тебя ранена левая рука. Писать можно, но вышивать... — Минлань задумалась. — Как насчет этого... Большие вышивки размещаются на квадратной подставке и натягиваются на раму. Для начала тебе нужно использовать одну руку, чтобы вставить иглу, а другой рукой вытащить иглу и перевернуть её. Это будет твое домашнее задание, когда рука заживёт...

Жун была вне себя от радости и выпалила:

— Правда? И мне больше не нужно учиться у наложницы Гун? — затем Жун сама поняла, что сказала, и, опустив голову, пробормотала. — Дочь очень сожалеет о том, что не смогла соответствовать и тщательно обучаться.

Минлань изначально была полна меланхолии, но, видя эту ситуацию, она не могла не взорваться смехом.

Выражение лиц детей менялись и искажались, им было так далеко до актерского мастерства женщин этого времени. Когда она, Жулань и Молань устраивали войны, даже Жулань, и которая была на дне, была намного лучше, чем две молодые девушки. Наверное, нужна была конкуренция, чтобы добиться прогресса в актерском мастерстве?

Когда две девушки увидели, что Минлань веселится, они обе опустили головы, смущенные и немного разочарованные. Минлань улыбнулась и погладил девушек по голове:

— Ну, так намного лучше. Это немного неприлично, но я расскажу вам кое-что об этом позже. А пока смотрите, и учитесь актерскому мастерству.

Как только это было сказано, вся комната разразилась смехом. Старшая служанка Цуй перестала помешивать травяной отвар, покачала головой и улыбнулась, Сянь упала на плечо Жун, две девушки прикрыли рты и зашептались. Цюнян, взяв себя в руки, сделала два шага вперед и в шутку произнесла:

— Главная госпожа так много знает и прочла столько книг, что у наших девочек не будет никаких проблем. Жаль только, что иголки с нитками их раздражают!

— Наложницы приходят сюда, чтобы показать свою женственность и мастерство, чтобы добиться привязанности и показаться добродетельными, — с улыбкой ответила Минлань. — Девушкам вроде нас не обязательно быть утонченными. В противном случае, о чем нам просить вышивальщиц?

То, что она сказала, имело зрелый и благоразумный оттенок, и она была вполне удовлетворена в своем сердце. Подумав, она добавила:

— Вышивка и прочее — это хорошо, но прежде всего вы должны хорошо уметь шить, — она повернулась к Цюнян. — Ты усердно работала, внимательно учи Жун и Сянь и впредь.

Жун быстро кивнула головой, как погремушка, Сянь прикрыла рот и почесала лицо пальцами и хихикнула. Цюнян также поспешно сказала:

— Главная госпожа, не волнуйтесь, это мой долг.

Слова на самом деле, были неверны. Долг наложницы должен состоять в том, чтобы служить мужчинам и старшим женам, но сегодня она сознательно опиралась на положение старой дамы, которая учит детей.

Минлань слегка улыбнулась и спросила старшую служанку Цуй, как у нее с травмой головы, и та ответила:

— Нет проблем.

Цюнян была очень послушна, и видя, что Минлань всё ещё хмурится, она спонтанно добавила:

— После того как лекарь прописал лекарство для старшей служанки Цуй, он сказал, что нужно вернуться через некоторое время, чтобы взглянуть на неё ещё раз.

Минлань кивнула: на самом деле, по ее мнению, лучше было бы сделать рентген, чтобы перестраховаться, но откуда взяться рентгену в эти дни? Поэтому ей пришлось сказать старшей служанке Цуй, чтобы она больше отдыхала.

Увидев, что ею довольны, Цюнян сказала:

— Я уже посетила Жуомей сегодня в полдень, она сидела и кормила грудью малыша. И мать, и сын выглядели очень хорошо.

Минлань повернулась к ней.

— Это хорошо, иначе я не смогла бы объясниться перед господином Гунсунем.

Хаос прошлой ночи затронул почти всех, либо они были напуганы, либо страдали из-за ран, пока что самыми невредимыми и беспроблемными людьми были Цюнян и Жуомей, которые обычно были ненадежны.

С тех пор, как эти двое переехали в комнату в крыле во дворе Шао Ши, они были напуганы.

Две служанки, которые лично обслуживали Жуомей, получили четкие приказы и знали, что эта нежная наложница очень чувствительна и очень дорога господину Гунсуню. Поэтому они решили исключить возможность проблем и заварили чашку крепкого успокаивающего чая.

Жуомей спала до рассвета и понятия не имела, что происходило ночью. Когда она проснулась, дождь прошел и небо прояснилось. Мало того, что она чувствовала себя отдохнувшей, так еще и ее сын спал на руках у кормилицы, его лицо раскраснелось. Рано утром, мать и дитя попроснулись и вернулись в свой двор в приподнятом настроении.

Минлань очень оценила усилия служанок и наградила их и кормилицу десятью лянмами серебра каждую.

Что касается Цюнян, то она оставалась в своих покоях всю ночь, и, когда Жун исчезла, она хотела найти ее, но испугалась старой служанки.

— Наложница снова забыла приказ главной госпожи? Главная госпожа сказала наложнице, что вам нельзя выходить из дома, что бы ни случилось. Если Жун исчезнет, я найду служанку, чтобы найти ее. Если ещё и наложница уйдет, придется искать и её. Будет плохо, если все потеряются!

Поскольку недавно Минлань с холодным лицом учила их правилам, Цюнян испугалась величия хозяйки дома, поэтому послушно осталась в покоях, не смея ничего решить самостоятельно, и только наострила уши, чтобы прислушиваться к внешнему миру. Ничего не происходило в первой половине ночи, а во второй половине было оживленно.

Звук боя на мечех был у ворот двора, смешанный с криками, эхом, разносившийся в ночи, был настолько пугающим, что она чуть не потеряла контроль над своими ногами и чуть не выпрыгнула из окна, чтобы спастись. Однако ей не хватило мужество открыть окно. И она пряталась в своей спальне.

Далее, когда все стихло, охранники отправили служанку сообщить о том, что они теперь безопасности. После того, как она и служанки, находившиеся в ее покоях, вздохнули с облегчением. Увидев, что небо светлеет, они почувствовали, что не устали физически и морально, поэтому каждый из них нашел комнату для сна. С самого начала и до конца Цюнян была просто напугана, а ее тело было в полной безопасности, в итоге получалось, будто она услышала страшную историю о привидениях.

— ...Все говорили, что вчерашняя ночь была опасной, но мы даже не видели преступников, — сказала Цюнян. Это была не пустая лесть, она действительно была очень благодарна Минлань за её вдумчивую защиту. — Наложница Мэй попросила меня выразить почтение от её имени, —

она низко поклонилась Минлань. — Благодаря главной госпоже и мать и ребенок живы и здоровы, и ни один волос не упал с их голов. Она очень благодарна.

Она не хотела быть саркастичной, но Шао Ши всё ещё было стыдно. Не удержавшись, она шагнула вперёд, и сказала:

— Я... я виню себя за то, что запуталась... я чуть не поранилась... Туань... — пока она говорила, её глаза покраснели, и она прикрыла лицо платком. — Если бы что-то случилось Туанем... У меня... у меня действительно не было бы лица, чтобы увидеть невестку...

«Не было бы лица, чтобы увидеть меня?» — Минлань усмехнулась в душе, она сказала такое легкое слово! — «Если бы она действительно убила моего сына, у меня бы хватило духу съесть ее живьем!»

— Что не так с моей невесткой? Сердца у людей разные, каждый заботится о себе. Моя невестка не может мне доверять, поэтому разумно было найти укрытие самостоятельно, — слова были одновременно резкими и едкими, что заставило Сянь смутиться и склонить голову.

Шао Ши торопилась и не могла перестать извиняться. Минлань намеренно оставила ее на некоторое время в покое, желая услышать, что еще она хочет сказать, но речь Шао Ши была не очень хороша, а её словам не хватало глубины, она только и делала, что повторяла:

— Я была сбита с толку, я поступила нехорошо...

В этих словах не было достаточно раскаяния. Даже Сянь тайно покачала головой, когда услышала это, чувствуя, что невозможно простить, слыша подобное.

Шао Ши некоторое время всхлипывала, думая, что у её невестки всегда был хороший характер, даже если она все еще злилась, она обычно делала шаг навстречу на глазах у всех. Она ждала, пока Минлань скажет несколько слов прощения. Однако, когда она перестала говорить, Минлань вяло повернула голову, чтобы подразнить Туаня. Шао Ши осталась стоять, смущенная.

Минлань снова могла только вздохнуть, семья Шен действительно блистала талантами.

Сегодня, если бы наложница Линь столкнулась с такой сценой самооправдания, она могла бы расплакаться от жалости к себе и от обиды на весь мир, и жаловаться на то, что ей не на что было опереться, она испугалась, а потом она сделала глупость — и теперь не знала, как выразить свои чувства.

Откровенно говоря, это выглядело жалко. Те, кто увидел бы сцену наложницы Линь, плакали бы вместе с ней, а затем простили бы все её ошибки, проникнувшись страданиями.

Тайно покачав головой в своем сердце, Минлань больше не медлила и дала несколько указаний Жун, а затем сказала Шао Ши:

— Есть кое-что, о чем я хотела поговорить через несколько дней. Однако, вижу, что старшая невестка в хорошем настроении. Почему бы нам не поговорить об этом сегодня?

И пусть все, наконец, будет кончено.

Сердце Шао Ши бешено колотилось, и она выдавила из себя улыбку:

— Что... что такое?..

— Детям незачем это слышать, — сказав это, она вместе с Сяхе вышла из комнаты первой.

Лицо Шао Ши было бледным, и она была на грани падения в обморок, она очень хотела отказаться и не идти.

Группа людей обогнула покои и вышла через боковую дверь, они пошли на север по мощеной дорожке. Шао Ши могла только следовать за Минлань. На самом деле она не сделала ещё и нескольких шагов, но вдруг почувствовала, что на грани обморока, её лоб вспотел.

Группа людей пришла в комнату в самом западном крыле дома внутреннего двора. Внутри было не так много украшений, только круглый стол Жуйи, три или четыре табуретки возле стола и огромный цветочный горшок у окна. Здесь давно никто не бывал, и комната выглядела неподготовленной.

— В спешке я только успела грубо подмести, главная госпожа, не обижайтесь, — мягко произнесла Сяхе.

Минлань посмотрела туда-сюда, увидела, что окно чистое, пол чистый, она с удовлетворением сказала:

— Это занимает некоторое время, независимо от того, какие усилия прикладывать. Ещё не слишком поздно, поторопитесь и попросите кого-нибудь заняться этим.

Сяхе ушла, Сячжу поставила табуретку Шао Ши и поспешила к Минлань, чтобы служить ей.

Вскоре после этого вернулась Сяхе, за ней следовали три группы людей: во главе одной был Ту Ху, два охранника сопровождали связанную женщину. Затем две служанки втащили внутрь связанную служанку. Охранники бросили женщину на пол, а затем сцепили руки, заняв защитную позицию. Две женщины последовали их примеру и бросили служанку перед Минлань.

Шао Ши опустила голову и увидела, что женщина на полу была пухлой, под одним из её красивых миндалевидных глаз цвел синяк. Она выглядела смущённой, её волосы были взлохмачены, на ней было много грязи. Однако в ней легко было узнать наложницу Жэнь.

Что касалось другой, валяющейся на полу, это была Бисы.

Шао Ши потёрла грудь, всё ещё сомневаясь.

— Второй господин Ту много работал прошлой ночью, ему следует хорошенько отдохнуть и оставить это дело другим, зачем приходить лично?

— Снаружи прибрано, поэтому мы должны позаботиться об этих как можно быстрее, чтобы все могли отдохнуть спокойно, — улыбнувшись, ответил Ту Ху.

— Эм, что ты хочешь сказать? — спросила Шао Ши.

Наложнице Жэнь и Бисы заткнули рты, поэтому они могли только тихо скулить, умоляюще глядя на Минлань.

Минлань даже не взглянула на них, повернулась к Шао Ши и с улыбкой произнесла:

— Мне не о чем спрашивать, мы уже достаточно узнали. Теперь мы разберемся с ними, согласно закону.

Лицо Шао Ши было горячим, и она не смела взглянуть на трех здоровенных мужчин напротив, поэтому она могла только смотреть на наложницу Жэнь и слабо сказала:

— Я... Я... Зачем ты пригласила воров? В...

Вне зависимости от того, жила она со свекровью или нет, Шао Ши никогда не была главой семьи. Когда дело доходило до решения проблем семьи, она никогда не имела достаточно сил, чтобы четко выразить свое мнение.

Минлань махнула рукой и у наложницы Жэнь вытащили кляп изо рта. Она тут же расплакалась и закричала:

— Госпожа, меня обидели!.. Как бы я посмела! Этот вор угрожал мне... приставил нож к моей шее...

Прежде чем она закончила говорить, Минлань засмеялась:

— Я сказала, наложница Жэнь, тебе нужно прийти сюда, чтобы мы решили этот вопрос. Учитывая твое текущее положение, сможешь ли ты пройти тест, и обмануть свою главную госпожу?

Когда наложница Жэнь услышала это, она оглядела Ту Ху и двух охранников и вздрогнула.

Поскольку Шао Ши овдовела, она сама и окружающие её служанки одевались довольно мрачно и старомодно, им не разрешалось пользоваться косметикой и пудрой в будние дни, и носить шпильки прочие украшения. Минлань раньше не обращала внимания, но теперь присмотрелась. Несмотря на то, что наложница Жэнь сильно располнела, трудно было скрыть её красоту.

— Вы двое заманили воров в сад Косян, вы передали информацию людям за пределами поместья. Или вы считаете нас слепыми?

Наложница Жэнь знала, что Минлань по характеру ничем не лучше Шао Ши, такая же мягкая. Сама же она считала себя достаточно грозным персонажем, к тому же ей повезло выжить и не сильно пострадать.

— Ты дура, может быть, ты неправильно поняла... — она свернулась в поклоне. — Госпожа, мы вместе столько лет, вы должны решить за меня! — снова и снова кивала она, обращаясь к Шао Ши.

Губы Шао Ши несколько раз шевельнулись, его глаза коснулись ледяного лица Мин Лана, и он проглотил слова.

— Что за рабыня, которая не прольет слез, пока не увидит гроб! — Минлань холодно фыркнула. — Хорошо, я объясню тебе, — она указала на Шао Ши левой рукой. — Твоя госпожа живет в мире весь день, и она ничего не слышит и не видит в своих покоях. Откуда она могла узнать, где я спрятала Туаня! Старшая служанка Цюнь в ваших покоях сказала, что ты была тем, кто сообщил вора! Моя невестка знала об этом и призвала продолжить расследование.

Лицо Шао Ши было пунцовым, её голова почти упала на грудь, наложница Жэнь была слишком косноязычна.

— Я действовала тщеславно, и я действовала тайно, но я всё же позволила вам узнать, — усмехнулась Минлань. — А, только не говори, что только что просто слышала какой-то слух. Видно, что ты вложила душу в этот план! Такого не узнаешь, просто подслушивая разговоры в обычные дни! Я всегда обращаю внимание на передвижение служанок.

Наложница Жэнь вздрогнула и слабо сказала:

— Я... Я обращала на это внимание ради моей госпожи и Сянь...

Минлань проигнорировала ее софизм и продолжила:

— После того, как ты убедила мою невестку, воспользоваться тем же безопасным местом, где укрыт Туань, ты позвала Бисы, и узнала информацию, посулив ей большую прибыль. Поскольку Шао Ши плоха в подобных разговорах, она просто сидела рядом, пока ты выманивала информацию. В конце концов, ты услышала правду.

Бисы, свернувшись в форму креветки, энергично извивалась и издавала скулящий звук, ее глаза горели огнем, и она с ненавистью смотрела на наложницу Жэнь.

— Хорошо! Даже если то, что ты только что сказал, верно, ты только обрати внимание на ситуацию в моем дворе со стороны хозяина. Поскольку ты узнала местонахождение юного господина, ты должна была пойти и спрятаться там же вместе со старшей невесткой, ведь там было безопаснее всего, верно? Ты должна была спрятаться и защищать его! Но ты убежала. Куда же это?

Глаза Минлань были полны насмешки, и она продолжала задавать вопросы, но наложница Жэнь не могла на них ответить.

— Ты убежала в спешке под сомнительным предлогом и встретила госпожу Янь из павильона Нуаньсян. Ты сказала, что собираешься заказать ужин для своей госпожи. Госпожа Янь сказала, что в обеих печах не было огня. Тогда старшая служанка Чун наблюдавшая за вторыми воротами, увидела, как ты идешь туда. Ты бежала на запад, когда старый дом с восточной стороны уже пылал. Последним, кто тебя видел, был Фу, следивший за лесом. Лес на западной стороне в то время только что загорелся, — Минлань постепенно повышала голос, ее тон становился все более и более яростным. — Ты женщина во внутреннем дворе, почему ты убежала в лес во внешнем дворе во время хаоса? Ты дала понять, что встречаешь воров! И все, кто видел тебя прошлой ночью, говорили, что у твоей шеи не было ножа! Ты еще смеешь изворачиваться?!

Наложница Жэнь была в растерянности, когда ей начали задавать вопросы, а Ту Ху сбоку показал жестокий взгляд и сказал:

— Главная госпожа, зачем разговаривать с этой скромной служанкой? Отдайте её мне, я сломаю её кости по очереди. Посмотрим, что она скажет!

Минлань махнула рукой, она член правовой системы из новой эры, поэтому она должна быть сначала вежливой, а затем вести себя как солдафон.

Наложница Жэнь была в ужасе, она свернулась, как в конвульсиях, отчаянно отодвинулась от Ту Ху и закричала:

— Вторая госпожа, пощадите меня! Я все скажу и не посмею отрицать!

— Ты знаешь, что я хочу спросить, — Минлань холодно посмотрела на неё.

Наложница Жэнь закусил губу, её руки и ноги уже онемели.

— ...это пожилая госпожа... послала людей искать меня... — дрожащим голосом произнесла она.

— Думаю, это тоже ты, — закрыв глаза пробормотала Минлань.

— ...Нет, не только я, есть еще женщина с внешнего двора, которая согласилась открыть дверь, чтобы впустить людей. Кто бы мог подумать, что два мясника приведут много охраны и что они будут следить за главными и задними воротами! Шансов почти не было. Но мы всё же сделали это, — пробормотала наложница Жэнь.

Ту Ху пришел в ярость, когда услышал это, и закричал:

— Какая сука!

Наложница Жэнь была так напугана, что ее печень и желчный пузырь разорвались на части, она поспешно сказала:

— Да... это была Хан Сан...

Ту Ху был ошеломлен:

— Хан Сан? — Ту Ху был ошеломлен. — Но этот ребенок был ранен стрелой и умер прошлой ночью, — затем он поднял наложницу Жэнь и закричал. — Может быть, ты хочешь возложить вину на него, чтобы избежать наказания?!

Наложница Жэнь завывала, как свинья:

— Это действительно Хан Сан! Это действительно он! Изначально я хотела только узнать новости, но вчера, еще до наступления темноты, Хан Сан тайно прислала мне новости, сказав, что ситуация изменилась, и ворота с обеих сторон могут не открыться. Люди не выпустят их, поэтому она попросила меня узнать, где прячется Туань, а потом отправился в лес на запад, чтобы встретить её!

Ту Ху отпустил её руку, сильно выругавшись:

— Песок смешался под веками!

Он снова и снова извинялся перед Минлань. Минлань не могла не рассмеяться, все были мертвы, а задание не выполнено, так что ничего плохого в этом не было, Ту Ху все еще был зол, и сказал, что после расследования деньги, которые должны быть переданы её семье, он изымет.

Шао Ши долго слушала молча и, наконец, не выдержала в этот момент и сказала хриплым голосом, смотря в пол:

— Я... мы росли вместе с юных лет, и мы служили моему мужу. Я хорошо относилась к тебе, почему ты...

Наложница Жэнь съезжившись на полу тихонько плакала, но когда она услышала слова, внезапно извергавшиеся подобно вулкану, она с силой выпрямилась, с негодованием посмотрела на Шао Ши и закричала:

— Как ты смеешь говорить, что хорошо ко мне относишься! Это твоя вина! Это все ты! Ты лицемерная дура! — Её пухлая грудь то вздымалась, то опускалась, и она тяжело дышала. — ...мои сестры, приехавшие в качестве приданого, все вышли замуж одна за другой... Кто знал... Кто знал, что ты!.. Ты ведь отдала меня этому туберкулёзному призраку!.. Ему оставалось жить всего ничего, ты вскоре должна была стать вдовой, и потащила за собой ещё и меня!

Шао Ши была ошеломлена её ударом, она долго не реагировала, а затем резко возразила:

— Ты, как ты смеешь говорить, что мой муж... туберкулез?!.. Я не ложилась с ним много лет после рождения Сянь'эр. У меня было намерение похвалить тебя, если ты родишь ей брата в будущем! Разве у тебя нет достоинства?!

— Ба, что за пердеж! — наложница Жэнь, казалось, была другим человеком, её волосы развевались, она кричала. — Ты не знаешь на что способно тело твоего мужа, а на что нет?! В первые несколько лет он мог в половой акт и даже породил мелкую сучку, но потом нет! Я сказала, что не хочу, но ты, глупая свинья, настаивала, что я тонкокожая и застенчивая, и пошла хвастаться моими достоинствами перед пожилой госпожой, чтобы притвориться добродетельной, но пожилая госпожа прямо подала мне вина... — думая о прошлом, она расплакалась. — В тот момент я поняла, что моя жизнь кончена.

Шао Ши была опустошена и пробормотала

— Значит, ты действительно не хотела...

В ее сердце Гу Тинью — лучший мужчина в мире и хозяин поместья хоу, и то, что она видела и слышала в будние дни, как раз то, что служанки хотят пролезть в постель к господам, чтобы стать наложницам, так как?..

Минлань холодно наблюдала со стороны. Логически размышляя, секреты бывшего хоу семьи Гу не должны обсуждаться, но, думая об этой парочке... Одна издевалась над своим мужем при жизни, а другая чуть не убила её сына прошлой ночью. Минлань не стала останавливать их, испытывая злорадство, и молча слушала.

— Я служила этому туберкулёзному призраку менее пяти раз. Пока он был жив, ты просила меня стать вдовой при живом муже, но после его смерти ты отказалась отпустить меня! Что ты сказали? Что хотите провести со мной всю жизнь? Сколько мне лет? Сколько тебе лет? Такая жестокость!

Руки и ноги Шао Ши похолодели, когда она это услышала, и он запаниковала:

— Я... я действительно хотела попросить поместье позаботиться о тебе, когда ты состаришься...

— Мать твою! Сколько тебе лет? В моем возрасте мне еще осталось прожить большую часть жизни! — резко выругалась наложница Жэнь. — Тебе скучно быть вдовой одной, ты просто хочешь найти компаньона, чтобы облегчить скуку!

Ругань была настолько головокружительной, что Шао Ши не могла спорить, ее лицо покраснело, Минлань испытала облегчение, увидев это, пока не заметила, как Шао Ши задрожала от гнева.

— Какой острый и непостоянный рот, — неторопливо сказала Минлань. — Невестка, нам действительно стоит похоронить её по закону. Но у меня есть вопрос. Ты была со своей госпожой много лет. Разве ты не знаешь, что она мягкая и не очень хорошо говорит? Если ты действительно хотела замуж, тебе нужно было только сказать ей. Даже если бы ты заставила ее чувствовать себя несчастной, она бы не наказала тебя. Если я тебя отпущу, боюсь, ты не просто выйдешь замуж, верно?

Увидев внезапную перемену в лице наложницы Жэнь, Минлань поняла, что права.

Наложнице покойника нетрудно выйти замуж вторично, а вот удачно выйти замуж нелегко — порядочная и хорошая семья не захочет принять уже использованную женщину. Большая сумма денег в качестве приданого или что-то другое? Точно что-то было.

Наложница Жэнь изначально хотела выйти замуж за перспективного управляющего в поместье хоу, но братья семьи Гу восстали друг против друга, и как Минлань могла назначить наложницу, которая служила Гу Тинью, в качестве жены способному управляющему?

Однако после того, как Шао Ши овдовела, она хотела сохранить больше приданого для Сянь, и она все больше и больше ценила деньги. Если бы она предложила выдать её замуж повторно, то только рассердила бы Шао Ши и не получила приданого.

Подумав об этом, она поняла, что-то будет лучше встать на сторону пожилой госпожи Цинь: так у неё будет шанс на хорошее будущее.

— Я... — она собиралась открыть рот, чтобы защитить себя, но Минлань подняла руку, чтобы остановить ее.

— Даже если у тебя возникли трудности, тебе следовало идти на это в крайнем случае, — Минлань медленно опустила руку. — Но я никогда не обращалась с тобой плохо, ни твои братья и сестры, ни Жун, ни старик Ан, которого зарезали насмерть. Не говоря уже о тех женщинах и служанках, которые трагически погибли у ворот сада Косян! Только потому, что ты страдала, ты посмела провести внутрь воров и убийц! И лишить жизней людей! — Минлань хлопнула ладонью по столу, ее лицо словно было покрыто инеем, она холодно посмотрела на наложницу Жэнь, и та лишилась дара речи и опустила голову, её лицо посерело.

Минлань повернула голову и сказала:

— Я ясно попросила тебя. пожалуйста, отправьте ее к Ту Луну.

Ту Ху ждал этого уже давно. Услышав это, он поднял тканевый шар и засунул его обратно в рот наложницы Жэнь. После того как двое охранников подобрали её, он взял на себя инициативу и быстро вышел наружу, оставив только Бисы. Пока они не ушли далеко-далеко, до них доносился скулёрж наложницы Жэнь.

Шао Ши застыла на месте, её руки крепко сжали юбку, её лицо было смущённым, печальным, и сердитым одновременно.

—...она, куда ее отвезут?.. — через некоторое время спросила она.

Минлань указала на дверь, жестом попросила Сячжу закрыть её и в то же время небрежно ответила:

— Сообщите господину Лю Чжэнцзе. Даже если это подобное предательство, просто убить её будет нехорошо. Если мы хотим лишить её жизни, то пусть этим занимается правительство.

Какой бы глупой ни была Шао Ши, она чувствовала, что слова Минлань имеют и другое значение. Она сделала паузу и затем спросила тихим голосом:

— Лунян... Что с ней будет?

Лунян — это имя наложницы Жэнь.

— Это зависит от того, как пройдет допрос господина Лю. Если прошлой ночью напали

обычные вору, то наложница Жэнь будет обвинена только в том, что она воровка. Если группа людей прошлой ночью была сообщниками повстанцев, то наложница Жэнь... — сказала Минлань с пустым лицом.

Для мятежника обычный конец это не что иное как удушение или обезглавливание. Если это уровень лидера, он, вероятно, может насладиться высокотехничным наказанием вроде «Линг Чи», смерти от тысячи надрезов.

Голова Шао Ши была полна мыслей, то грустных, то пугающих, и вдруг она упала на стол и тихонько заплакала, Минлань не пожалела её и хладнокровно сказала:

— Невестка, не плачь, давай сначала закончим с этим, как насчет этого?

Только тогда Шао Ши поняла, что Бисы всё ещё катаются по земле, а по обеим сторонам от неё сидят две женщины, смущенно вытирая слезы.

Минлань подала сигнал и служанка Де вытащила матерчатый шарик, которым заткнули рот Бисы. Только что наложница Жэнь призналась, что она устроила катастрофу. Она была так напугана, что расплакалась, и как только она открыла рот, она принялась умолять:

— Главная госпожа, эта служанка знает, что была не права! Эта служанка заслуживает смерти, пожалуйста, простите меня на этот раз! — она снова и снова кланялась.

Увидев, что ее прекрасное лицо покрыто грязью и кровью, Сяхе не могла не пожалеть её и вдруг услышала, как Минлань сказала кому-то:

— Вынь их.

Вторая служанка достала вещи из рукава и положила на стол.

Это была пара браслетов, завёрнутых в шелковые платки. Они были сделаны из красного золота, и вырезаны в форме листьев лотоса с широкими краями. Они были инкрустированы несколькими яркими жемчужинами, кошачьим глазом.

Лицо Шао Ши позеленело, а затем покраснело, когда она увидела это, и она взглянула на Минлань, испытывая угрызения совести. Минлань неторопливо взяла пару браслетов.

— Эти браслеты были подарком на помолвку старшей невестке, — сказала Минлань. — Я хорошо изучала имущество семьи Гу. Конечно, бесспорно, хорошая вещь.

Шао Ши не осмелилась ответить, она только мелко кивнула.

— Только из-за этой пары браслетов ты продала меня и Туаня? — тихо сказала Минлань.

Бисы мелко тряслась и плакала.

— Нет, это не так... Я верила в главную госпожу, я хотела рассказать главной госпоже...

— Что тебе говорила старшая служанка Цуй? Не говори со слугами старшей невестки без необходимости, тем более с такими, которые имеют высокий ранг, — равнодушно сказала Минлань. — Ты проглотила все эти слова как собака еду, мгновенно забыв?

Бисы нечего было сказать, поэтому она кланялась и умоляла о пощаде, а затем поползла к Сяхе и Сячжу, надеясь, что они заступятся за неё.

Сердце Сячжу было мягким, и она хотела было что-то сказать, но Сяхе дернула ее за рукав, чтобы остановить.

Дело было не в том, что Сяхе жестокосердная, а в том, что она лучше знала темперамент хозяйки. Мало кто мог изменить то, что решила Минлань, не говоря уже о том, чтобы это получилось у них. Она огляделась и медленно опустила голову.

Минлань привела их служить во время сегодняшней сцены. Каково её намерение?

Сяотао вот-вот выйдет замуж, а Люйчжи вот-вот получит свободу, но за последние два года все служанки в покоях Минлань поменяли свои должности, Цуйсю и Чун любимицы главной госпожи, но они еще слишком молоды. Значит... У Сяхе было чистое сердце, но это не значило, что она втайне не надеялась на повышение. Она настроилась работать ещё внимательнее в ближайшем будущем и перестать притворяться умной.

Минлань посмотрела на Бисы, которая снова и снова кланялась. Она чувствовала грусть.

— У тебя не было больших амбиций с тех пор, как ты была ребенком. Ты не была ни умной, ни ловкой, ни достаточно верной и прилежной. Пока тебе дают еду, питье и одежду, ты будешь довольна, так я думала. Но ты оказалась не слишком законопослушной. Честолюбие никогда не поможет в продвижении по службе. Когда ты не рядом со мной, почему ты вела себя как маленькая девочка? Ты проводила весь день, отдыхая и избегая тяжелой работы. Благодаря Даньдзю и другим. Они были щедры и не заботились о твоём воспитании достаточно тщательно. Но хоть ты мне и не нравилась, ты служила мне уже десять лет. Люди — это не трава и деревья, несмотря на то, какие я использую имена.

Говорят, что любить воспоминания означает начать стареть. Минлань словно внезапно проснулась от сна, прошлое было ярким в ее сознании, она испытывала предательство и боль снова и снова, переживала уход и расставание снова и снова. Оглядываясь назад, она была потрясена, осознав, что она постарела.

— Тем не менее, ранее ты не доставляла никаких особых проблем.

У Бисы был ленивый характер, в отличие от Жуомэй или Яньцао, которые давно думали о своём будущем, она словно не заботилась о нём.

— Сначала я думала, что когда Сяотао и Люйчжи покинут мой павильон, я найду тебе того, кто будет любить тебя, выдам за него замуж, и буду заботиться о тебе до конца твоей жизни. Ты родила бы детей, воспитала их и вернулась ко мне. Так наша судьба как хозяйина и слуги могла бы считаться хорошей: было бы и хорошее начало, и хороший конец.

Бисы была взволнована и не понимала, что Минлань имела в виду, когда говорила эти вещи. Внезапно она услышала несколько тихих звуков дзинь-дон, и перед ее глазами вспыхнул золотой свет. Оказалось, что Минлань бросила пару браслетов. и шелковый шарф перед ней.

— Я здесь не для того, чтобы наказывать, бить или ругать тебя, — холодно произнесла она. — Однако наша совместная судьба окончена, — Минлань вздохнула. — Я помню, что у тебя всё ещё есть братья, невестки и старая мать дома, так что я отпущу тебя. Эти браслеты для тебя. У тебя есть деньги и жемчуг, накопленные за годы службы, их тоже не отнимут. Не важно, купишь ли ты какую-нибудь землю, или купишь лавку... Ведь ты сможешь сделать это сама в будущем.

Сказав это, Минлань махнула рукой двум женщинам.

В ушах Бисы гудело, и она могла слышать только слова: «Позволю тебе пойти домой».

«Не хочу!»

Она не хочет идти домой! С тех пор, как её дедушка и отец ушли один за другим, семье становилось с каждым днем все хуже, поэтому её продали семье Шен. Её мать была слаба, её брат некомпетентен, а её невестка зла. Яркая одежда и вкусная еда, которые она получала здесь, возможность проводить дни неторопливо...

Она хотела заплакать и просить прощения, но рука женщины была как молния, ее рот быстро заткнули тканью, и она не смогла ничего сказать.

Она отчаянно боролась, дико кричала, глазами умоляла Минлань о пощаде, ненавидела две женские руки, которые вцепились в неё словно железные щипцы, из-за чего она не могла пошевелиться, она могла только смотреть, как ее тащат прочь от Минлань.

— Я говорю тебе, глупая девчонка, остановись, — насмехалась над ней одна из женщин, когда они вышли за дверь. — Ты всё ещё считаешь себя благородной госпожой? Ты чуть не убила маленького господина! Так что, лично я не смирила бы свой гнев, пока не продала бы тебя подальше!

В комнату время от времени долетали насмешки, у Сяхе глаза были на мокром месте. Она и Бисы жили в одной комнате последние два года, неплохо ладили, разговаривали день и ночь, даже если они не были сестрами, видя, что ее конец будет таким, Сяхе испытывала грусть. Теперь она думала, что ей будет легче входить и выходить из поместья в будущем, поэтому она подумала, что будет часто ходить навещать Бисы, чтобы немного помочь ей.

Неожиданно все пошло вопреки ее желанию.

Через несколько лет она вышла замуж за очень талантливого управляющего, а затем последовала за мужем на юг, чтобы управлять фермой семьи Гу. Она прожила там несколько лет, и когда она снова увидела Бисы, это случилось уже десять лет спустя. В то время она не могла поверить, что эта некрасивая сильная женщина с красным лицом, высоким голосом и толстыми руками и ногами на самом деле была праздной девушкой с тонкой, как ива, талией, любила зелёный цвет и элегантность.

После потери Бисы Минлань тоже была в плохом настроении и через некоторое время сказала:

— Сяхе, иди, собери ее вещи, и принеси ей всю ее вышивку, одежду и украшения. Не позволяй другим проявить жадность. Сячжу, иди на улицу, и следи, чтобы никто не вошёл. Я хочу поговорить со старшей невесткой.

Две девушки ответили тихим голосом, одна ушла, а другая слегка прикрыла дверь и встала на страже.

В этот момент в комнате остались только они вдвоем, всё тело Шао Ши было напряжено, она была беспокойной, как испуганная птица. Увидев, что Минлань смотрит на неё, она ещё больше запаниковала:

— Сестра, не пугай меня. На этот раз я ошиблась! Это была моя вина... Я...

Услышав признание наложницы Жэнь, она поняла свою вину и теперь каждое её слово исходило от сердца.

— Что не так с тобой, невестка? — с нажимом спросила Минлань. — Должна ли ты позволить наложнице настаивать на её идее в такой ситуации или всё же стоило послушать меня?

Шао Ши была немедленно остановлена этим вопросом, её лицо тут же помрачнело, а затем покраснело.

— Позволь мне кое-что разъяснить, невестка, — продолжила Минлань слово за словом. — Ты совершила две ошибки. Одна в том, что ты отказываешься доверять мне, веришь другим! Наложница сказала, что я выставила тебя напоказ и использовала как прикрытие для своего сына, и ты правда поверила в это!

Как могла Шао Ши осмелиться ответить? Она могла только многократно махать руками и бормотать:

—Нет, нет, нет... Как я могу...

— Позвольте мне прояснить кое-что! — Минлань хлопнула ладонью по столику и встала, опираясь на него. — В столице царит хаос, и есть не более двух типов людей, которые приходят в поместье хоу, чтобы создать проблемы. Это те, кому нужны деньги или те, у кого есть скрытые мотивы. Основные покои главного дома были ярко освещены, чтобы заманить туда алчных воров. Есть ли в поместье место богаче, чем то, где я живу? После того как воры ограбят мой дом, они могут даже уйти, и мне даже не придётся ничего делать!

Шао Ши широко открыла рот и пробормотала:

— Я... я только что поняла, почему твой двор был таким светлым...

— Если это люди со скрытыми мотивами... Хм, два брата хоу не раз ссорились с ним, и полстолицы об этом знает! Кто бы ни пришел арестовывать нас, притворяясь людьми из дворца, это или наша добрая мачеха, или кто-то из пятой или четвёртой семьи! Это значит, что они будут только нападать на меня и моего сына! Титул не имеет к тебе и твоей дочери никакого отношения! Ну, а если воры буду обыскивать поместье... Твой двор построен рядом с озером! Две с половиной из четырех сторон обращены к воде. Неужели воры могут взять с собой плот для нападения ночью?! Есть только один выход, этот двор легко защищать и трудно атаковать! Сколько стражников я расставила рядом с твоим двором?! Я сказала ранее Ту Луну, что если только нападающих не будет втрое больше, чем стражей ворот, охрана должна стоять у павильона с женщинами! Я перевела к тебе Жуомей, чтобы пришлось защищать меньше дворов!

Минлань излучала мощную ауру, от которой Шао Ши чуть не залезла под стол.

— Честно говоря, больше всего я опасаясь пожилой госпожи Цинь! Количество людей, которые могут прийти, чтобы создать проблемы, ограничено. Но она могла связаться с мятежниками. Чего я боюсь, так это того, что легко спрятаться от арбалетного болта и трудно от стрелы, выпущенной из засады! Сколько старики заправляли этим поместьем в прошлом! У этих людей есть скрытые мотивы! Когда в поместье царит хаос, служанки входят и выходят, шпилька, лекарства, камень и колючка... Сколько лет Туаню? Его можно убить буквально чем угодно! Могу ли я предотвратить это? Я не знаю! Но до подобного происшествия, как я могу говорить такие жестокие слова о наших родственниках!

Шао Ши хотела заплакать, и чуть не опустилась на колени перед Минлань. Она плюхнулась на стол и взмолилась:

— Сестра, сестра, я ослепла от жизни в безопасности. Я не различаю добра и зла. Если... если это правда... Туань... Я заплачу своей жизнью...

— Я не буду просить невестку платить за это жизнью, — холодно сказала Минлань. — мне всегда нравилась Сянь. Даже если хоу это не нравится, я также намерена дать ей хорошее будущее и приданое. Но если кто-то скажет тебе убить меня или Туаня, чего мне ожидать? Что я должна думать после того, что случилось?

Шао Ши сильно вздрогнула и дико замахала руками.

— Нет, нет... Сянь не причём...

Она вдруг испытала сильную благодарность Жун, если бы она не пошла на смерть, чтобы спасти своего младшего брата... Даже если бы она и Сянь выжили... Их грядущие дни были бы полны печали.

— Это было так опасно, опоздай мы хоть на полшага... — в глазах Минлань отразился глубокий страх. — Если бы девушка Жун не была сильной и смелой, Туань потерял бы свою жизнь. То, что происходило в тот момент, действительно невообразимо.

Шао Ши и думать об этом не смела, не говоря уже о Минлань, гнев Гу Тинье мог испепелить и её, и Сянь дотла. Чем больше она об этом думала, тем больше пугалась, ее ладони и спина некоторое время покрывались холодным потом.

Минлань долго смотрел на неё холодным взглядом прежде, чем сказать:

— Я сказала это сегодня не для тебя, а для Сянь.

Шао Ши подняла голову, как деревянный человек, не понимая, что это значит.

— Когда вы тайно отправились прятаться в сад Косян, ты хотела взять с собой только Сянь, верно? — Минлань вздохнула. — Сянь — хороший ребёнок, в тот момент она все еще помнила о Жун и позвала ее с собой.

Слезы тут же навернулись на глаза Шао Ши, она подняла голову и закричала:

— Моя хорошая девочка! Мать чуть не причинила тебе боль, но ты спасла её!

Сянь позвала Жун, а Жун спасла Туаня. Сянь косвенно спасла своё положение и положение своей матери. По воле Небес добро будет вознаграждено! Внезапно она почувствовала в своем сердце чрезвычайно благоговейное отношение к Небесам и Богам, к круговороту причин и следствий.

Минлань толкнула дверь и, прежде чем выйти, торжественно сказала:

— Не волнуйся, невестка, пока ты снова не запутаешься, я буду относиться к обеим девочкам как к своим собственным дочерям, — она сделала паузу, прежде, чем веско добавить:

— Я держу свое слово».

Сказав это, она не оглядываясь, воспользовалась поддержкой Сячжу, охранявшей дверь, и ушла.

В ту ночь, после ужина, Люйчжи пришла сообщить новости от старшей служанки Цюн — Шао Ши уже рассказала Сянь о причине и следствии, и мать и дочь некоторое время плакали, обнявшись.

Рано утром следующего дня Сянь пришла поприветствовать Минлан с красными и опухшими глазами, тревожно заламывая руки. Минлань с сожалением погладила ее по голове и сказала ей поиграть с сестрой Жун и братом Туанем.

Но во время встречи с Шао Ши у нее не было такого хорошего настроения. Хотя она всё ещё не пренебрегала этикетом, выражение её лица было торжественным и равнодушным, и она не сказала ни одного лишнего слова, что напугало Шао Ши и заставило её испытывать желание молча подчиняться.

Минлань однажды подумала, что если бы Шао Ши боялась её так же сильно, как пожилую госпожу Цинь раньше, даже если бы наложница Жэнь изо всех сил старалась подтолкнуть ее, Шао Ши не осмелилась бы пойти в убежище Туаня. Цюнян — отличный пример человека, который не ошибается, когда боится.

Злодей боится силы, но не морали, а выносить весенний ветер и дождь не всем по силам.

Столкнувшись с этой беспощадной реальностью, Минлань бесконечно вздыхала.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1876497>